

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЦЕНА ЗАБЛУЖДЕНИЯ

Генералы Русской императорской армии оказались причастны к антимонархическому заговору, приведшему к отречению царя, уверен доктор исторических наук **Андрей ГАНИН**.

Чем была обусловлена их нелояльность Верховному главнокомандующему и как сложилась судьба представителей офицерской корпорации в последующие годы?

Беседовал **Олег НАЗАРОВ**

Русские офицеры, вплоть до самых высоких чинов, как правило, плохо разбирались в политике. Многие из них, недолголюбивая Николая II, полагали, что его отстранение улучшит положение дел на фронте и в тылу. За это наивное заблуждение офицерам, как и стране в целом, пришлось заплатить высокую цену.

ВОЙНА И АРМИЯ

– Сколько офицеров было в Русской императорской армии накануне Февральской революции?

НАТАЛЬЯ ЛЬВОВА

– Точную цифру исследователи пытаются установить до сих пор. Существуют лишь рамочные данные – верхняя и нижняя планки, причем на октябрь 1917 года. По этим оценкам, к началу Гражданской войны насчитывалось от 250 тыс. до 320 тыс. офицеров, среди которых офицеры военного времени составляли порядка 190–260 тыс. человек.

– Многие ли офицеры были монархистами по своим взглядам?

– Если говорить о кадровом офицерстве, то да, оно воспитывалось на идеалах преданности императору и поли-

тики как таковой для этих офицеров не существовало. Даже их монархизм трудно назвать формой политической активности: он был естественным миропониманием.

Впрочем, в офицерской среде издавна были и приверженцы конституционной монархии, и республиканцы, появлялись сторонники социалистических течений. Вспомним Первую русскую революцию. Всем известен яркий пример офицера-революционера – лейтенанта Петра Петровича Шмидта. Тогда же возникли и офицерские революционные организации. Популярность стали завоевывать эсеры. Тем не менее даже после этих событий речь шла о незначительной части оппозиционных властям офицеров. Причем ее представители воспринимались корпорацией в качестве отщепенцев.

– Как повлияла на мировоззрение офицерского корпуса Первая мировая война?

– Прежде всего следует говорить о том, что война полностью переменяла сам офицерский корпус, его социальный облик. За короткий срок в него влились десятки тысяч людей, не имевших ничего общего с довоенным офицерством. Это был срез всего русского общества, и в офицерскую корпорацию эти люди несли не офицерское мировоззрение, которым еще не прониклись, а мировоззрение своих сословий. Размывалась и система ценностей. В советское время был распространен термин «демократическое офицерство». Действительно, новые офицеры часто не имели дворянского происхождения, являлись выходцами из непривилегированных сословий, и среди них монархические идеи были, конечно, уже не столь популярны. В итоге упразднение монархии в 1917 году почти не вызвало неприятия в армии.

– Как офицеры относились к Николаю II?

– По-разному, как и к монархической идее. Однако ко времени революции было немало разочаровавшихся,

и не только в институте монархии, но и непосредственно в личности монарха. Что особенно важно, такие люди были в военном руководстве.

Николая II, по многочисленным свидетельствам лично знавших его современников, трудно отнести к интеллектуалам или к волевым, сильным и последовательным правителям. Кроме того, императорская семья стала объектом дискредитирующих слухов (в том числе о связях императрицы-немки с противником), которым в условиях войны верили даже представители генералитета. Генералы видели, что монарх не со-

НАДЕЖДЫ НА ТО, ЧТО УСТРАНЕНИЕ «ТЕМНЫХ СИЛ» И РАДИКАЛЬНАЯ СМЕНА ВЛАСТИ ПОВЫСЯТ ОБОРОНОСПОСОБНОСТЬ СТРАНЫ, ОКАЗАЛИСЬ ИЛЛЮЗОРНЫМИ

ответствует занимаемому положению в воюющей стране. Распутинщина лишь усугубила циркулировавшие слухи.

Незатейливый политический багаж верховного вождя русской армии в военное время неизбежно вступал в противоречие с набиравшей обороты профессионализацией военного дела. Это имело отношение в первую очередь к интеллектуальной части офицерского корпуса в лице наиболее развитых представителей Генерального штаба. И здесь ключевой фигурой, человеком, видевшим гибельность ситуации, являлся начальник штаба Верховного главнокомандующего, ближайший сотрудник императора генерал Михаил Васильевич Алексеев. Весной 1917 года Алексеев рассказывал своему сподвижнику генералу Антону Ивановичу Деникину об обнаружении у императрицы двух экземпляров секретной карты фронта, которые предназначались для императора и Алексеева, что его, как начальника

штаба Верховного главнокомандующего, не могло не беспокоить.

В итоге Алексеев и другие генералы, стоявшие во главе армии (в основном генштабисты), оказались соучастниками антимонархического заговора, приведшего к перевороту. Руководил этими планами председатель Центрального военно-промышленного комитета Александр Иванович Гучков. Все произошло бескровно, поскольку генералитет вынес солидарное решение и сумел внушить императору мысль о том, что победа в войне возможна только в случае его отречения. Летом 1917 года Гучков не без гордости рассказывал Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о подготовке заговора.

ПОРА РАЗОЧАРОВАНИЙ

– Офицеры Русской императорской армии хорошо разбирались в политике?

– За единичными исключениями, подтверждающими правило, они в политике не разбирались вовсе. После февральских событий 1917 года новые хозяева страны в считанные дни отодвинули основных генералов-заговорщиков от рычагов управления армией.

Затем стали происходить неприятные как для вчерашних «переворотчиков», так и для всей армии вещи, включая массовые чистки командного состава. У пришедших к власти политиков была своя команда военных экспертов, которые и получили назначения. Но в результате насаждения так называемой «революционной сознательности» в армии рухнула дисциплина, после чего любые попытки ее восстановить оказывались ни к чему не ведущими полумерами. Генералитет снова попробовал вмешаться в политику в августе 1917-го, когда произошло выступление генерала Лавра Георгиевича Корнилова. И вновь военные не сумели реализовать свою политическую программу. Однако это выступление сформировало ядро будущих лидеров Белого движения.

– Как Февральская революция 1917 года повлияла на настроения офицеров? Многие ли из них симпатизировали Временному правительству?

– Сложно говорить о единой реакции, поскольку, повторюсь, за годы войны офицерский корпус утратил политическую и мировоззренческую цельность. Поначалу у многих была

* При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 05.04.2016 № 68-рп и на основании конкурса, проведенного Общероссийской общественной организацией «Российский союз ректоров».

эйфория. Потом появилось разочарование. В целом неподчинение солдатских масс воспринималось негативно. Причем речь не только о самосудах, которые напрямую угрожали безопасности офицеров. 1917 год дает просто фантазмагорические картины взаимоотношений между солдатами и командным составом. Например, во время печально известного наступления Керенского на Юго-Западном фронте летом 1917-го 24-й Финляндский стрелковый полк понес большие потери. Стрелки решили, что с них довольно, и отправились в тыл, а их командир, седовласый полковник, стоял перед ними на коленях и тщетно умолял вернуться.

Но если все же делать некоторые обобщения, то лето 1917 года стало периодом разочарования офицерства во Временном правительстве, которое не доверяло офицерам и не защищало их от произвола. Стало ясно, что надежды весны 1917-го на то, что устранение «темных сил» и радикальная смена власти повысят обороноспособность страны, оказались иллюзорными. Объявленные свободы не принесли победы, а лишь разрушили военный организм, одни бездарные правители сменились другими.

Некоторые генералы, наблюдая политическое бессилие Временного правительства, сожалели, что способствовали отречению Николая II от престола и приходу к власти деструктивных элементов. Многие начали задумываться о военной диктатуре, возлагали в этом отношении надежды на Корнилова. Однако и эти надежды не оправдались. Провал корниловского выступления, близкого устремлениям немало части офицерства в качестве силового варианта выведения страны из затяжного общественно-политического кризиса, вызвал растерянность, разочарование. И он усилил антиофицерские настроения в солдатской среде.

Политически активных в офицерской корпорации было немного, и для основной массы дальнейший выбор оказался ограниченным: либо примкнуть к Белому движению как к движению кадрового офицерства, выражавшему его интересы, либо плыть по течению с большой вероятностью попасть в ряды красных, захвативших значительную часть страны и проводивших антиофицерскую

политику. Существовали и менее распространенные варианты: «национализироваться», поступив в армию одного из возникших на руинах империи национальных государств, либо, вовсе расставшись с военной службой, уклоняться от Гражданской войны и искать заработок на стороне.

ОФИЦЕРЫ, КАК ПРАВИЛО, В ПОЛИТИКЕ НЕ РАЗБИРАЛИСЬ. ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКИХ СОБЫТИЙ 1917 ГОДА НОВЫЕ ХОЗЯЕВА СТРАНЫ В СЧИТАННЫЕ ДНИ ОТОДВИНУЛИ ГЕНЕРАЛОВ-ЗАГОВОРЩИКОВ ОТ РЫЧАГОВ УПРАВЛЕНИЯ АРМИЕЙ

Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Михаил Алексеев (в центре) и главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал Алексей Брусилов (справа) среди офицеров

ДВА ВЗГЛЯДА НА БОЛЬШЕВИКОВ

– Была ли близка офицерам идея Учредительного собрания?

– Я бы не стал переоценивать значимость Учредительного собрания для менталитета офицеров. Да, белые позднее выдвинули созыв парламента в качестве базового лозунга политики непрережденчества, пытались усидеть одновременно на монархическом и республиканском стульях. Однако это был лишь символ легитимной власти, призванный замаскировать присущую части белых, но дискредитированную монархическую идею. К реальному Учредительному собранию и ко многим его депутатам крайне левого спектра (прежде всего к большевикам и левым эсерам) в белом лагере относились безо всякого пиетета. В случае победы белые, несмотря на декларации, вряд ли допустили бы свободные перевыборы с участием леворадикальных партий: не за это они боролись с большевиками и их попутчиками.

– В 1917–1918 годах многие офицеры считали большевиков участниками мирового еврейского заговора, верили в то, что Ленин – агент германского Генерального штаба. Чем вы это объясняете? Какие шаги большевиков оттолкнули от них значительную часть офицерства?

– Это объясняется очень просто. Офицеры не знали и не понимали по-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

литической жизни, но они видели факты. Ленин и его сторонники выступали за поражение Российской империи в Первой мировой войне как враги своей страны, и в 1917 году ленинцы, возвращавшиеся в Россию, в подрывных целях были пропущены немцами через их территорию. Это фактура, которую никто не оспаривает. Следовательно, Ленин и его приверженцы выступали в качестве агентов Германии, но не шпионов в вульгарном смысле, а агентов влияния, поскольку интересы сторон совпадали: каждая надеялась использовать возможности партнера в своих целях. К сожалению, в силу сравнительно узкого политического кругозора офицерству, даже наиболее интеллектуально развитому, трудно было понять, что после захвата власти большевиками их интересы с интересами Германии разошлись.

Что касается еврейского вопроса, то до 1917 года лица иудейско-

го вероисповедания не допускались в офицеры. При этом в офицерской корпорации были сильны националистические настроения. Высокий процент евреев среди большевистского руководства, конечно, не добавлял очков этой партии в представлении носителей такого мировоззрения.

Поначалу большевики продолжили прежний антиофицерский курс, существовавший при Временном правительстве. Были отменены титулы, ордена, мундиры, ношение погон, то есть все те внешние атрибуты корпорации, которые были дороги офицерам. Разумеется, это отталкивало. Смена власти сопровождалась новым витком насилия в отношении офицерства, поскольку органы правопорядка попросту не контролировали ситуацию. Большевики, кстати, выступали против самосудов, но на первых порах ничего не могли с этим поделать.

И, безусловно, сильнейшим ударом стал Брестский мир. Лишь немногие офицеры осенью 1917 года пришли

**Митинг 1-го пулеметного полка
в здании Офицерского собрания.
Петроград, 1917 год**

к пониманию, что армия небоеспособна и нужно замиряться с противником. Большинство же восприняли начало мирных переговоров и последующую уступку колоссальных территорий как проведение большевиками в жизнь вышеупомянутых немецких интересов. А с предателями офицерам-патриотам было не по пути.

Только позднее, уже в ходе Гражданской войны, когда политика большевиков, возглавивших страну, в результате столкновения с действительностью неизбежно поменялась в сторону государственнической и центр выступил в качестве собирателя земель рассыпавшейся на кусочки страны, офицерство стало активнее поддерживать большевиков по идейным соображениям.

КРАСНЫЕ И БЕЛЫЕ

– Сколько офицеров служило у красных и у белых? Многие ли избежали участия в братоубийственной Гражданской войне?

– Вопрос о численности офицеров в лагерях Гражданской войны до сих пор не решен в науке. Удалось решить его пока лишь в отношении компактных групп офицерства, в частности генштабистов. Начну с них. Около десяти лет назад я занялся составлением персональной базы данных по выпускникам Николаевской военной академии, участвовавшим в Гражданской войне. В основу базы легли документы российских и зарубежных архивов. В 2007–2016 годах благодаря поддержке Российского гуманитарного научного фонда удалось реализовать грандиозный замысел обследования архивов тех государств, в армиях которых в 1917–1922 годах служили наши генштабисты (помимо России это Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Украина, Грузия, Армения, Азербайджан). Кроме того, велась работа по всем крупным комплексам архивных документов данной проблематики в США, Франции, Чехии и Сербии. Ничего похожего до этого никто не предпринимал. На данный момент база включает 2837 персоналий (не только «патентованных» генштабистов, но и прошедших сокращенную подготовку и даже неудачно обучавшихся). Из них в Красной армии служили 1579 человек, у белых – 1755. Эти цифры накладываются друг на друга в связи с перемещениями офице-

ров. По этой причине просто высчитать проценты невозможно, однако я выработал специальную методику подсчета по местам службы офицеров, позволяющую учитывать тех, кто прошел через несколько армий. При таком подсчете на РККА приходится 39,7% мест службы, на белые армии – 46,4% и на национальные армии – 13,9%.

Относительно офицерства в целом, по моим оценкам, через Красную армию могло пройти около 100 тыс. офицеров, через белые армии –

ЛЕНИН В 1920 ГОДУ ПРИЗНАЛ, ЧТО БЕЗ ВОЕНСПЕЦОВ НЕ БЫЛО БЫ НИ КРАСНОЙ АРМИИ, НИ ЕЕ ПОБЕД

от 110 тыс. до 130 тыс. и через национальные армии – порядка 30 тыс. Эти показатели также накладываются друг на друга из-за перебежчиков и пленных. Есть основания полагать, что немало офицеров уклонились от участия в Гражданской войне. Однако тут мы упираемся в отсутствие каких-либо цифр.

– По каким причинам офицеры шли на службу в Красную армию?

– У нас любят рассуждать о тех или иных мотивах офицеров, но статистика неумолимо свидетельствует, что абсолютное большинство (не менее 90%) оказались в Красной армии по мобилизации. Если же брать добровольческий период (первую половину 1918 года), когда немногочисленные офицеры в новую армию все же вступили, то здесь ситуация разнообразна. По итогам исследований удалось составить сравнительно полный список такого рода причин. В этом списке – служба по инерции в тех или иных учреждениях или штабах старой армии (многие учреждения просто сменили вывеску, продолжая работать в рамках РККА), стремление к профессиональной самореализации в военном деле, патриотический порыв в связи с отражением немецкого наступления в начале 1918 года, проживание, служба, родственные связи на советской территории, вера в твердую центральную власть, стремление сохранить за собой контроль над армией, подпольная работа, отсутствие средств к существованию, карьеризм, желание обезопасить себя от репрессий, идейная приверженность большевистской программе, протестные настроения (например, некоторых возмущала украинизация, почему они и шли к красным).

– В своей книге «Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком» вы сравнили перемещения генштабистов из одного лагеря в другой с движением молекул. Каковы масштабы таких «перелетов»?

– Ярчайшей чертой Гражданской войны стали многочисленные переходы из лагеря в лагерь. Если говорить о генштабистах, перемещения которых мне удалось практически полностью выявить, то из упомянутых 2837 человек не менял места службы за время Гражданской войны 1841 офицер, тогда как 996 послужили в нескольких армиях. Это было по-настоящему массовым явлением. В масштабах всего офицерства счет должен идти как минимум на тысячи. В случае успеха на каком-либо фронте туда начинали переходить и офицеры.

Части 12-й армии, перешедшие на сторону советской власти. 1918 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ

– В СМИ встречаются утверждения, что семьи служивших в РККА бывших офицеров императорской армии находились в заложниках. Часто ли большевики брали в заложники членов их семей? Что им грозило?

– Ответить на этот вопрос можно отсылкой к предыдущему. Просто задумаемся: могли ли тысячи офицеров дезертировать из Красной армии, если бы действовала такая мера? Конечно, нет. Действительно, существовали распоряжения о взятии в заложники членов семей изменников, но подобные репрессии были неэффективны и технически трудновыполнимы. Фактически же они реализовывались лишь в единичных, наиболее громких случаях, вроде ареста в 1919 году жены знаменитого командира Особого корпуса, а позднее 2-й Конной армии, бывшего войскового старшины Филиппа Кузьмича Миронова. Причем женщину освободили без каких-либо последствий. Позднее сам Лев Троцкий признавал, что едва ли кого-то расстреляли как заложника за изменников-военспецов. Это была декларативная мера устрашения. Впоследствии приказы о заложниках были растиражированы антибольшевистской печатью в пропагандистских целях.

– Многие ли военспецы сделали карьеру в Красной армии? Кто из них пользовался доверием и покровительством Ленина, Троцкого, Сталина?

– Ярких взлетов было много, ведь полностью обнулилась вся прежняя иерархия, старые карьерные лифты перестали работать, появилась возможность продвигаться по службе действительно способным военачальникам. Так, недавний подпоручик Михаил Николаевич Тухачевский в 25 лет командовал армией, а в 27 лет – фронтом. Два полковника с академическим образованием Иоаким Иоакимович Вацетис и Сергей Сергеевич Каменев стали советскими главнокомандующими. Недавний прапорщик Гая Дмитриевич Гай командовал армией. Все они до революции о подобном взлете и мечтать не могли. Военрук Высшего военного совета, бывший генерал императорской армии Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич, Каменев и Тухачевский были выдвинутыми Лениным. Выдвинутыми Сталина считались командующий Южным, а затем Юго-Западным фронтом Александр Ильич Егоров (бывший подполковник) и командовавший последовательно 9-й, 14-й и 13-й армиями Иероним Петрович Уборевич (бывший подпоручик). Главкома Вацетиса можно отнести к ставленникам Троцкого.

Наркомвоенмор Лев Троцкий после инспектирования войск на Восточном фронте. 1918 год

– Какой вклад внесли офицеры в создание Красной армии и в победу большевиков в Гражданской войне?

– Вклад этот колоссален. Бывшие офицеры были задействованы во всех частях советской военной машины, на фронте и в тылу. Вновь обратимся к беспристрастным цифрам. Военспецами были 85% командующих фронтами, 100% начальников фронтовых штабов, 82% командармов, свыше 91% начальников армейских штабов, более 90% преподавательского состава военно-учебных заведений. Что касается генштабистов, то они занимали многие ключевые посты. Ими были все главкомы, начальники Полевого штаба Реввоенсовета республики, Всероссийского главного штаба, 52,4% командующих фронтами и 40,6% командующих армиями. Поначалу настороженно воспринимавший курс Троцкого на привлечение бывших офицеров в РККА Ленин в 1920 году признал, что без военспецов не было бы ни Красной армии, ни ее побед. ■